

Суслов Андрей Александрович

старший преподаватель кафедры философии
и социологии
Томского государственного университета
систем управления и радиоэлектроники

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В РУССКИХ СКАЗКАХ: ФИЛОСОФСКО- КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация:

Задачей данной статьи является рассмотрение особенностей пространственной организации мира в русской сказке. Путь осмысления пространства задает жанр хождений героев, исследований миров, пересечений различных территорий в географическом и культурологическом смыслах. Пространственные характеристики сказок выявлены через своеобразие лексических форм, ментальности, мифологии, отражающих внутреннюю конструкцию сказочного логоса в идейном философско-культурологическом аспекте.

Ключевые слова:

русская сказка, пространство, время, волшебная сказка, фольклор, миф, мир, традиционная культура.

Suslov Andrey Aleksandrovich

Senior Lecturer,
Philosophy and Social Science Department,
Tomsk State University of Control Systems
and Radio Electronics

FEATURES OF SPACE ORGANIZATION IN RUSSIAN FAIRY TALES: PHILOSOPHIC-CULTUROLOGICAL ASPECT

Summary:

The objective of this article is to consider the features of spatial organization of the world in a Russian fairy tale. The way of understanding the space defines the genre of characters' traveling, exploration of worlds, crossing of various territories from both geographical and culturological points of view. The spatial characteristics of the fairy tales are revealed through the peculiarity of lexical forms, mentality and mythology, which reflect the inner composition of the fairy logos in the conceptual philosophic-culturological aspect.

Keywords:

Russian tale, space, time, fairy tale, folklore, myth, world, traditional culture.

Русская сказка, следуя традиционной логике фольклорного искусства, значительную роль отводит сюжетам хождений героев. Как жанр хождение известно из агиографии, рассказывает о странствиях святых и паломников в Святую Землю, в далекие неизведанные страны, которыми могут оказаться ад или рай. В архаическом мировоззрении людей присутствовало представление о двумерности или разноярусности, разнопостасности мира. Сказки, впитав древнейшие идеи стереоскопии мира, отражали его законы, которые обязывали героя из «своего» внутреннего пространства (родного края) достигать внешнего «чужого» и затем возвращаться «домой». События воспринимались как реально свершившиеся факты.

В филологических исследованиях концепта пространства в художественном тексте русской сказки ключевая роль принадлежит когнитивной лингвистике, изучающей связь языка, формируемых образов и мыслительной деятельности. Концепт в понимании филологов – это ментальные структуры, объясняющие происхождение речи, связи вербализации и рефлексии [1]. В результате развития общественных связей и высокой потребности в общении людей рождается концептуальная схема, выполняющая функции интеграции человека в социум, объяснения законов существования материи и пространства. Пространственные образы вербализируются мифологией, в архаическом сознании людей формируются убеждения о родном месте, границах «своего» и «чужого» миров.

Большой вклад в исследование проблемы пространства внесли идеи Зенона Элейского, Платона, Гераклида, Аристотеля, Августина Аврелия, Г. Галилея, Р. Декарта, Г. Лейбница, И. Ньютона, Дж. Беркли, И. Канта, Г. Гегеля и др. [2]. Время и пространство были изложены как одно из условий, форм бытия. Пространство и место в онтологическом смысле не тождественные понятия. Еще с античности в философии начались исследования понятий места и пространства. Существует множество различных определений этих понятий. Две известные противопоставленные точки зрения касаются отношений объект – место. Согласно одним представлениям – объекты конституируют места (Демокрит, Эпикур, Лукреций). Философы этого направления ввели понятие пустого пространства, рассматривали его как однородное и одинаковое во всех точках. Эти точки зрения варьируются, выражаясь в кратких словесных формулах: «Быть – значит быть в каком-то месте», «Место первично по отношению ко всем вещам», «Ничто не существует, если это не существует в пространстве», «Место само по себе ничто» [2, с. 176]. И. Ньютон разделял эту позицию и отмечал, что пространство само по себе пустое «вместилище тел», оно абсолютно неподвижно, непрерывно, однородно, изотропно, не воздействует на материю и не подвергается обратному процессу.

От абсолютного пространства Ньютон отличал протяженность тел, считая его основным свойством тел, благодаря которому они занимают определенные места в абсолютном пространстве. Само абсолютное пространство, по мысли Ньютона, неизмеримо и непознаваемо. Аналогичного взгляда Ньютон придерживался при характеристике времени. Время также однородно, непознаваемо, равномерно, представляет собой пустое «вместилище событий» [3]. Концепция, разработанная И. Ньютоном, была господствующей в науке, философии на протяжении двух столетий (XVII–XIX вв.), соответствовала науке того времени – евклидовой геометрии, классической механике, была применима только в инерциональных системах отсчета.

Интересно, что при этом Г. Лейбниц опирался на идеи Аристотеля, автора противоположного взгляду соотношения концептов пространства и места. Аристотель считал, что места являются вместилищами для объектов. Г. Лейбниц, опираясь на идеи Аристотеля, разработал исходные положения теории о пространстве. По Лейбницу, пространство представляет собой порядок взаимного расположения множества тел, которые существуют вне друг друга, время выступает организующим порядком сменяющих друг друга явлений или состояний тел. Взгляды Г. Лейбница послужили основой критики евклидовой геометрии и ньютоновского пространства. В начале XX в. специальная теория относительности А. Эйнштейна продемонстрировала состоятельность взглядов Лейбница в неинерциональных системах отсчета и относительности, созависимости времени и пространства: «Пространственно-временные отношения – длина тела (вообще расстояние между двумя точками) и длительность (а также ритм) происходящих в нем процессов – являются не абсолютными величинами, как утверждала ньютонова механика, а относительными» [4, с. 125]. Также было отвергнуто представление о пустом пространстве, доказано, что евклидова геометрия проявляет себя только в инерциональных системах отсчета. При переходе к космическим масштабам временные и пространственные отношения меняют свои значения в зависимости от скорости движения.

Открытия ученых в области физики пространства неинерциональных систем отсчета, аристотелевская и лейбницевская концепции пространства стали основой философских взглядов М. Хайдеггера. По его мнению, пространство получает свое бытие через места. Хайдеггеровский взгляд на пространство близок идеям лейбницевской теории: «Быть в каком-либо месте означает принадлежать окружающему пространству» [5, с. 46].

На протяжении всего XX и XXI вв. велись исследования в этом направлении. Специальная и общая теории относительности создали своеобразный онтологический подход в понимании сущности пространственно-временной структуры. Согласно реляционному подходу, пространство и время связаны едиными физическими законами, эти концепты созависимы, дискретны, неоднородны. В первой половине XX в. А.А. Фридман разрабатывает идеи теории «Большого взрыва», неравномерности структуры пространства и времени, возможной конечности Вселенной. Представители материалистической философии отмечали, что время и пространство являют формы существования материи, а Вселенная – вечна как во времени, так и бесконечна в пространстве, это суть онтологического подхода понимания времени и пространства.

Проблеме понимания пространства посвящены труды физиков Ю.Б. Молчанова, А.Д. Александрова, М.А. Маркова, В.А. Фок, А.А. Фридмана, Д.И. Блохинцева, П. Девис, С. Вайнберг, а также философские исследования А.М. Мостепаненко, Я.Ф. Аскина, Ж.-П. Сартра, Н.А. Бердяева, О. Шпенглера [6, с. 5]. Метафизическое и идеальное пространства проявляют себя во взаимосвязи, пространство становится осмысленным в результате его наполненности вещами. Ж.-П. Сартр определял пространство как сложное взаимоотношение ситуаций, которые возникают при обретении свободы. Ж.-П. Сартр считал, что ситуации не существует без свободы. Ситуация проявляется в следующем: мое место, мое тело, мое прошлое, моя позиция, мое отношение к другим людям. Места, пространственные образы иницируют ситуацию и служат достижению цели – обретению свободы [7, с. 240]. Концепциям пространства М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра свойственны вычленение и анализ умозрительного пространства, обоснование философского смысла неевклидовой геометрии, относительность пространства в философском понимании.

Современные научно-философские концепции рассматривают пространство как связь между данными и порождаемыми. Данное представляется местом, являющимся интегральной частью физического мира. Присутствие человека – интегральная часть места, которое изначально существует. Место, таким образом, существует благодаря когнитивным усилиям человека в виде проекции места на физический мир. В результате человек моделирует мир, итогом этого становится осмысление пространства.

Две трактовки понимания пространства и времени стали основой философских, когнитивных исследований фольклора и художественного текста в целом. Большинство исследователей концепта пространства склонны считать концепцию В.Г. Лейбница более близкой русскому сознанию. Исследователь Е.С. Яковлева, изучая бытования слов «далеко – близко» в сказках,

мифах и генерируемого рефлексивного опыта народной фольклорной культуры, отмечает, что эти слова не просто выражают определенную логическую «денотативную сферу», а моделируют действительность своими образами, переходящими в идеи, убеждения. Это позволило сделать вывод о большем преобладании «семиотического» (лейбницевского) пространства в языковой и смысловой картине мира русской культуры. Зарубежные когнитологи (Р. Лангакер, Г. Талми) также отмечали, что пространство зависимо от признаков, обусловленных чувственной стороной восприятия и, выражая связь языка и текста, художественное и геометрическое пространства имеют много общего в смысловом отношении.

Современная философско-культурологическая мысль предполагает различное видение пространства. Наивно-бытовое осмысление пространства и научное понимание являются основой разных представлений. Ю.М. Лотман подчеркивал многослойность пространственной картины мира, которая «...включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовую «здоровый смысл». При этом у обычного человека эти (и ряд других) пласты образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое [8, с. 168].

Художественное пространство сказки в философском понимании ближе к представлениям современной науки. П.А. Флоренский, В.Г. Богораз в начале XX в. предложили идею тождества древних космологических представлений и данных современной физики пространства. Они рассмотрели в свете новых данных (атомистической теории и теории относительности) маршруты перемещений (хождений) героев по художественному пространству. А.Н. Паршин, исследователь П.А. Флоренского, математик, отмечая приобретающие актуальность междисциплинарные подходы к изучению фольклора, заметил: «...в 20-х годах появились и другие работы с новым подходом к фольклорному и этнографическому материалу». В.Г. Богораз обратил внимание на близость ряда эффектов теории относительности (например, замедления времени) к событиям, происходящим в сказках и мифах. Совсем другая структура, не похожая на непрерывный континуум естествознания, появилась в книге В.Я. Проппа «Морфология сказки» о русской сказке и в его позднейших замечаниях о природе шаманских путешествий. Пропп вдохновлялся натурфилософскими идеями Гете: «Весь этот всплеск идей оказал лишь частичное влияние на развитие фольклористики и этнографии. Если мысли Флоренского и Богораз были полностью забыты, то идеи Проппа развивались лишь в рамках скользящего по поверхности явлений структуралистского направления. Тем более не ставился вопрос о связи между этими подходами» [9, с. 19].

В США научные исследования приобретают значительный интерес в рамках направления «культурного релятивизма», утверждавшего, что своя относительность, применимая при характеристике физики тела, пространства, есть в системах отсчета, которыми могут быть и культурные миры. Это потребовало нового взгляда на изучение мифологии, сказок, средневековой религиозной литературы. Мифологи, философы отмечали, что художественное пространство сказки предстает сложным, дискретным, нелинейным образованием, отличным от евклидова континуума, принятым в классическом естествознании ранее.

Мир в мифологическом осмыслении представлялся равным сюжету хождений. Маршрут перемещений героев повторял созданную богами траекторию, сказка, таким образом, выполняла функцию реконструкции мироздания и миромоделирования. Сказка также полна всевозможных перемещений героев в пространстве в различных направлениях. Движение персонажей сказок может иметь логически объяснимую траекторию либо нарушать сложившиеся общие представления о способах перемещений: герои попадают в неведомые миры, преодолевают силу тяготения и оказываются на небе, могут провалиться под землю и также неожиданно появиться. Это движение сравнимо с путем (переходом) между мирами («своим» и «чужим»), осязаемым (материальным) и субстанциональным (одухотворенным): «Движение героя, преодолевающее границу разнородных миров и таким образом связывающее, соединяющее миры, — древнейший мотив мировой культуры. Он лежит в основе изначально устных повествовательных жанров: мифа, сказки и эпоса» [10, с. 158].

Таким образом, проанализировав естественно-научные концепции пространства Демокрита, И. Ньютона, Аристотеля, Г. Лейбница, теории когнитологов Р. Лангакера, Г. Талми, философские идеи П.А. Флоренского, Г. Богораз, Ю.М. Лотмана, можно сделать вывод о концептуальной ложности, вариативности понимания пространства сказки. Художественное пространство русской сказки можно представить как неоднородную инвариативную структуру. Двумерность, разноипостасность обуславливают эллипсообразное перемещение героев в вертикальном и горизонтальном направлениях, выраженное в сюжетах хождений. Сказке свойственна концепция неевклидовой геометрии пространства.

С другой стороны, на наш взгляд, фольклорное разнообразие, представленное в виде волшебных, бытовых сказок и сказок о животных, обуславливает неоднородную архитеконику перемещения героев, являет разные вариации движений, направлений, свойственных определенному

виду сказки. В бытовых сказках и сказках о животных картина мира представлена в виде проекции социальной жизни, пространство этих сказок локализовано определенной изображаемой местностью (селом, городом, лесом). Пространство этих сказок понятно и объяснимо логически и сравнимо с инерциональной системой, обладает качествами констатации субъективного реального мира и его материального выражения. Бытовые сказки и сказки о животных в небольшой мере, согласно логике архаического сознания, оставляют возможности алогичных проявлений с точки зрения инерциональной системы отсчета, характерных в основном для волшебной сказки. Это выражено в виде олицетворений, обращений к духам, присутствию мифологических персонажей (Баба Яга, Кощей, Змей Горыныч), оборотничества. Графически это можно представить в виде плоской горизонтальной эллипсообразной фигуры, отмеченной редкими дискретными образованиями. Замкнутый эллипс – мифологическое представление о границах «своего» пространства. Все то, что находится вне его, является «чужим». Характер дискретности (в виде прерывистой очерченной линии) символизирует редкие нарушения данной логики инерции пространства (рис. 1).

Рисунок 1 – Пространство бытовой сказки

Идея пространства волшебных сказок представляет, на наш взгляд, сложную упорядоченную дискретную структуру в виде многослойного комплекса эллипсообразных вертикальных и горизонтальных пересекаемых по центру фигур и организованных по принципу матрешки. Вертикальные и горизонтальные эллипсы символизируют пространственные перемещения героев, принимающих характер хождений (от мирского к одухотворенному) (рис. 2).

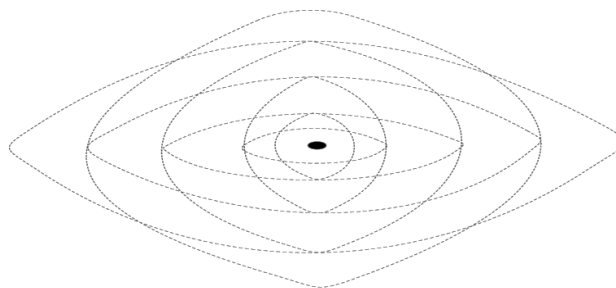

Рисунок 2 – Пространство волшебной сказки

Выделенная дискретность отличает пространство волшебной сказки наличием неоднородности, переходами между мирами, неинерциональным осмыслением, близким к идеям специальной теории относительности. Многослойность пространства (принцип матрешки) обусловлена границами миров, пространственными знаниями о других землях, мифологическими образами; с точки зрения здравого смысла, совершаются невозможные действия: пространство то безгранично, то сжимается до минимальных размеров: «Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридешатое государство; а то государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору» [11, с. 204].

Ссылки:

1. Вержбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. 235 с.
2. Античная литература. Греция. Антология. Т. 1. М., 1989. 378 с.
3. Орехова Е.В. Типы пространственно-временных отношений в русской волшебной сказке // Атриум. 1999. № 1. С. 24–35.
4. Гачев Г.Д. Космо-психо-логос. М., 1995. 347 с.
5. Типологические исследования по фольклору : сб. статей памяти В.Я. Проппа (1895–1970). М., 1975.
6. Малюкова О.В. Эпистемология времени: темпоральные программы физики, культурологи и экологии : автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.08. М., 2011. 32 с.
7. Сартр Ж.-П. Воображение. Феноменологическая психология воображения. СПб., 2001. 248 с.
8. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. 326 с.
9. Паршин А.Н. Путешествие Данте в Ад: поэзия мифа и точность естествознания // Флоренский П.А.: философия, наука, техника. Л., 1989. 230 с.
10. Седых О.М. Архаический космос и современная наука // Человек. 2011. № 6. С. 152–170.
11. Афанасьев А. Н. Заветные русские сказки. М., 2007. 640 с.

References:

1. Verzhbitskaya, A 2001, *Understanding cultures through keywords*, Moscow, 235 p.
2. *Antique Literature. Greece. Anthology* 1989, vol. 1, Moscow, 378 p.
3. Smith, E 1999, 'Types of space-time relations in the Russian fairy tale', *Atrium*, no. 1, p. 24-35.
4. Gachev, GD 1995, *Cosmo-psycho-logos*, Moscow, 347 p.
5. *Typological research on folklore: Articles to the memory of VY Propp (1895-1970)* 1975, Moscow.
6. Malyukova, OV 2011, *Time epistemology: temporal physics program, culture and ecology*, D.Phil. thesis abstract, Moscow, 32 p.
7. Sartre, J-P 2001, *Imagination. Phenomenological psychology of the imagination*, St. Petersburg, 248 p.
8. Lotman, YM 2000, *Semiosphere*, St. Petersburg, 326 p.
9. Parshin, AN 1989, 'Dante's Journey to Hell: poetry and myth precision of natural science', in *Florenskiy PA: Philosophy, science, technology*, Leningrad, 230 p.
10. Sedykh, OM 2011, 'Archaic and modern space science', *Man*, no. 6, p. 152-170.
11. Afanasyev, AN 2007, *Treasured Russian fairy tales*, Moscow, 640 p.